

Виктор Самойлов

ПРОВОДЫ

Все реже бываем печальными,
Как будто былое прошло.
А как на перронах

кричали мы,
Когда нас бедой обожгло!

Когда с двадцатью миллионами
Еще не убитых людей
Перроны теснились вагонами
И взросло пугали детей.

И застили взор гимнастерки,
И звякали сплошь котелки.
И крепко, с вина и махорки,
Войне отпускали смешки:

«Да мы ее — махом прикончим!
Не летом, так этой зимой.
Штыками чуть-чуть пощекочем —
И тут же вернемся домой...»

Но вот паровоз под парами,
Доведший до вопля гудок,
Хлестнул по всему буферами —
И мама уткнулась в платок.

Пошли барабанить колеса.
Пошли. Но отец не спешил.

Он руки распахивал косо
И нас поцелуем душил.

А я отбивался: «Раздавишь...» —
А я упирался рукой,
Кричал: «На войну опоздаешь!» —
Как будто на праздник какой.

И сколько таких по России
Нас глупеньких было мальцов,
Какие: «Иди!» — голосили,
Своих провожая отцов.

«Иди!» — и они уходили,
Во всей молодецкой красе.
«Иди!» — и они победили.
Да только вернулись не все.

Отец мой пришел, чтоб со стоном
Себя костылями держать...

А двадцать других миллионов
Остались в могилах лежать.

В ОГНЕ ВОЙНЫ

И город вспыхнул от огня,
Но тут же мужественно глянул
И произнес:
«Не взять меня!»
И двести дней —
сплошная мука.
И двести дней —
одни бои.
Еще и правнукам и внукам
Откроют подвиги твои.

В Чижовку, в СХИ,
в мосты Отрожки
Германская вцепилась рать.
В Москву бы ей!..
«Москву не трожьте!
Мы здесь
привыкли
умирать!»

И полегли. И пали честно.
И где сегодня ни копни —
Правобережье повсеместно
Напомнит тягостные дни.

А мне к «Динамо» очень близко.
Теперь мы связаны мостом
И непомерно длинным списком
На братском кладбище простом.

К нему хожу. Сверяю даты.
И вашим подвигом горжусь.
О как вы молоды, солдаты!
Что даже я в отцы гожусь.

Вы поименно в вечный эпос
Вошли, историю творя,
И доказали то, что крепость
Вот здесь заложена не зря!

Владимир Гордейчев

СОРОК ПЕРВЫЙ

Россия, отходим!
Еще не темно,
еще и снаряды не рвутся.
Нам горькое право сегодня дано
на пройденный путь оглянуться.
Как будто бы матери грустный укор,
на пустошах, горечи полных,
к земле припадает полынный вихор,
качается желтый подсолнух.
Скрывается кровель железо и толь,
столбы убегают рядами, —
и в сердце войдет щемящая боль,
и к горлу подступит рыданье.
Отчизна, ты вся — на года и века
понятна, больна и близка мне
до каждой прожилки степного ростка,
до самого малого камня!
И я ли, идущий, как сок по стеблю,
Отчизна, путями твоими,
тебя, отступая, врагу уступлю
с твоими березами в дыме?
Ты только обиды на нас не таи,
зажми свои тяжкие раны.
Отчизна, ты слышишь?
Вернутся твои
с водою живою Иваны!..

У ПАМЯТНИКА КОЛЬЦОВУ

Здесь шли бои. Осколки цокали.
И отголосками беды
на грань шлифованного цоколя
легли две черных борозды.

Но вечно живо сердце города,
и на строительство вдали
опять глядит светло и молодо
поэт воронежской земли.

К нему до ночи — поздно, рано ли —
течет народная река.
И жилка темная на мраморе
вот-вот забьется у виска.

Виталий Иванов

СОЧИНЕНИЕ

Двенадцать пар запавших глаз
На лицах бледных, невеселых.
Сидел тогда наш третий класс
В подвале, где ютилась школа.

А со двора колючий снег
Летел в щербатые окошки,
И «Хрестоматия» на всех
Одна, к тому же — без обложки.

— Вы сочиненье о войне
Сейчас напишете, ребята, —
И наш учитель на стене
Расправил лист агитплаката.

А что там было сочинять?!
Картина хорошо знакома:
Над трупами седая мать
Склонилась у развалин дома.

А к небу поднимался дым
На фоне зарева кудлато,
И крик безумный: «Не простим!»
Летел из гневных уст солдата.

Погрев ладони возле рта,
Мы дружно принялись за дело,
Вот только Лидка-сирота
В рукав уткнулась неспроста —
И «сочинять» не захотела...

БЛИНЫ

...А в нашей школе госпиталь теперь,
И классы стали называть — «палаты».
Но каждый день
мы снова входим в дверь,
Где нас встречают радостно солдаты.

Большую ласку маленьких сердец
Они приемлют, как письмо из дома.
У каждого из нас есть свой боец,
А мой подшефный — лейтенант Истомов.

Ему отняли ногу доктора,
Но уверяли: «Встанешь непременно...».
Он повторял: «Да, встану!». А вчера
Вдруг началась какая-то гангрена.

Метался... Бредил... Выбился из сил,
Пытаясь оборвать бинтов оковы.
Когда очнулся, я его спросил:
— Водички дать?
А он в ответ:
— Блинков бы...

Но где муки добудешь? Вот дела!
Давно пусты домашние сусеки...
И все же бабушка их напекла,
Сменяв муку на юбку у соседки.

Я с узелком летел, как самолет,
Чтоб не остыл подарок на морозе,
И головою врезался в живот
Сиделки госпитальной — тети Фроси.

Она загородила мне порог
С заплаканными грустными глазами:
— Не надо... Не ходи туда, сынок...
Ну, а блины... поешьте дома сами...

Михаил Каменецкий

ЛАДОНИ

В глухой степи, где эшелон
Застрял на полпути к Балхашу,
Под насыпью осенним днем
Мать в чугушке варила кашу.

Был сорок первый год. Война.
В теплушке побывав соседней,
Мать отдала за горсть пшена
Нехитрый свой наряд последний.

Кипела каша в чугушке
На костерке неугомонном,
Когда протяжный вдалеке
Взмыл чей-то голос: «По ва-го-нам!»

Был резким поезда рывок,
И, заметавшись в криках, в гаме,
Вдруг мама голыми руками
С огня схватила чугунок.

Крик боли раздирал ей рот,
Но с этой ношей раскаленной
За поездом, набравшим ход,
Она бежала вдоль вагонов.

Мне помнить до последних дней
Ладони эти в клочьях кожи
Не Божьей матери, не Божьей —
А смертной матери моей.

* * *

Схоронили мать в рядне без гроба
В сорок третьем каторжном году.
И, стуча зубами от озноба,
Допоздна глядел я в темноту.

А когда луна над крышей нашей,
Как и я, отекая, взошла,
Комендант барака тетя Глаша
Котелок похлебки принесла.

Помолчала рядом, пообвыкнув,
Обняла. Сказала, как могла:
— Ждешь с работы мамку, горемыка?
Померла... Такие, брат, дела...

Я не плакал.
Огненную нитью,
Будто пульей, сердце мне прожгло.
Не поверил мне какой-то критик:
«Не простился? Быть так не могло!

Не могли обычай не исполнить...»
Знать, не ведал он тех черных дней,
Где и загсы не могли запомнить
И учесть обилия смертей.

Брел я, спотыкаясь, по сугробам,
Нес непоправимую беду...
Схоронили мать в рядне без гроба
В сорок третьем каторжном году.

Виктор Костенко

* * *

В канун восьмой мальчишеской весны,
устав от горьких слов —
«пропавший», «павший», —
я верил: все же ты придешь с войны,
солдатскими дорогами пропахший.

Тебя я ждал, и заклинал, и звал,
пути не зная, шел тебе навстречу.
Я под твои ненастья подставлял
мальчишеские худенькие плечи.

Я так хотел хотя бы посмотреть
в твои глаза,
припасть к тебе воочью,
что, обманув небытие и смерть,
во сне являлся ты глубокой ночью.

Под Ленинградом,
там — на той войне,
в огне атаки, грохоте и гуле
не мог ты не подумать обо мне
в последний час —
за миг до встречи с пулей...

Лев Коськов

* * *

Неужто тут ухали пушки
И шли затяжные бои?
А нынче кукуют кукушки,
И сладко поют соловьи.

Цветет луговая гвоздика,
Лепечет в овраге ручей,
Крупна и сладка земляника
По скатам пехотных траншей.

И видно с обрыва крутого,
Что ранее не различил:
Нигде нет на свете такого
Обилия братских могил.

Ревело, горело, стонало —
Природа стоит на своем:
Корявые тонны металла
Надежно гноит чернозем.

Воистину, в битве суровой
Не меч побеждает, а дух...
На солнце пасутся коровы,
В тени отдыхает пастух.

Бегут облака молодые,
Не зная о правде и зле,
И зреют хлеба золотые
На политой кровью земле.

Евгений Новичихин

ЧЕРНЯХОВСКИЙ

В накрывшем нас трагическом обвале,
В кошмарном и нелепом дележе
Мы так друг друга слышать перестали —
Не только люди беженцами стали —
И памятники беженцы уже.

Да, слава тоже может стать опальной.
И он, с Россией тяготы деля,
В Воронеже, на площади вокзальной, —
Как будто вновь перед дорогой дальней,
Готовый жизнь опять начать с нуля.

Ах, эти бесконечные вокзалы!
Их столько было в жизни фронтовой!
Побед, утрат — ему всего хватало.
Но много ль на счету у генерала
Коротких улиц Мира за спиной?

Не быть в забвенье имени героя,
Того, кто и за смертною чертой
Готов, как прежде, жертвовать собою,
Живя с народом общею судьбою,
С Отечеством — единою бедой.

И дай-то Бог, Россия, чтоб достало
Нам мира, хлеба и душевных слов,
А если надо — то и пьедесталов
Для всех твоих солдат и генералов,
Для всех тебя прославивших сынов!

